

УДК 81'27

Татьяна Викторовна Бобко*канд. филол. наук, доц., доц. каф. теоретического и славянского языкознания
Белорусского государственного университета***Tatyana Bobko***Candidate of Philological Science, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theoretical and Slavic Linguistics
of Belarusian State University
e-mail: tatyana1973@tut.by***КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ
КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ МЕТАКОММУНИКАТИВНОЙ РЕФЛЕКСИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОЙ
ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ)**

Рассматриваются метакоммуникативные речевые действия, направленные на мониторинг и коррекцию индивидуально-личностных характеристик коммуникативного поведения. Материалом исследования стали русско- и белорусскоязычные спонтанные метакомментарии в белорусском сетевом общении. Цель статьи – выявить факторы, определяющие специфику метакоммуникативных реакций на индивидуальный стиль общения, и наивные прагматические установки, влияющие на самовыражение. Установлено, что такими факторами являются предпочитаемый язык общения и рефлексивный или нерефлексивный характер метакомментария. Выявлены как существенные сходства в метакоммуникативных реакциях, свидетельствующие о наличии одинаковых представлений о нормах повседневной сетевой коммуникации, так и качественные и количественные различия, обусловленные языком общения.

Ключевые слова: теория коммуникации, метакоммуникация, наивная лингвистика, лингвистическая прагматика, коммуникативная личность.

***Communicative Personality as Subject and Object of Metacommunicative Reflection
(Based on the Material of Russian and Belarusian Language Internet Communication)***

The article deals with metacommunicative speech actions aimed at monitoring and correction the personal characteristics of communicative behavior. The material of the study was the Russian and Belarusian language spontaneous metacomments on the Belarusian sites. The purpose of the article is to determine the factors that influence the specifics of metacommunicative reactions to an individual style of communication and naive pragmatic attitudes that affect the self-expression. It was found that such factors are the preferred language of communication and the reflexive/non-reflexive nature of the metacomments. Significant similarities in metacommunicative reactions were revealed, indicating the presence of the same ideas about the norms of everyday network communication, as well as qualitative and quantitative differences due to the language of communication.

Key words: communication theory, metacommunication, naive linguistics, linguistic pragmatics, communicative personality.

Введение

Интерес современной лингвистики к человеку как субъекту языковой компетенции и речевой деятельности и личностному аспекту коммуникативного процесса выражается в изучении языковой личности, понимаемой как «человек, существующий в процессе коммуникации и отражающий в речевом поведении как свой языковой опыт, так и общий опыт всего человечества» [1, с. 145]. Термин «языковая личность», возникший в 1930-е гг., получил распространение благодаря книге Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987), в которой определены три уровня языковой

личности: вербально-семантический (нулевой), когнитивный (первый), прагматический (второй). Прагматический уровень предполагает наличие потребностей и целей, которые побуждают к коммуникативному взаимодействию и определяют вместе с другими значимыми (когнитивными, социокультурными и др.) факторами специфику речевого поведения. Этот аспект исследования языковой личности разрабатывается под терминами «коммуникативная личность» или «речевая личность», которые в силу сложности и многогранности объекта исследования получили разнообразные трактовки [2–4]. Несмотря на отсутствие

единообразия в терминах, для обоих понятий существен фокус внимания на реализации языковой личности через речевую деятельность в соответствии с актуальными интенциями.

Коммуникативная личность проявляется через выбор форм коммуникативного поведения и языковых средств, отражающих прагматические установки, коммуникативный опыт и предпочтения, а также знания и стереотипы о нормах и процессах коммуникации [5, с. 127]. Все это формирует индивидуальный стиль коммуникативного поведения. Кроме того, «у “наивного пользователя” (незнакомаго с теориями) также имеются свои модели коммуникации, т. е. представления о том, как устроен коммуникативный процесс» [5, с. 38]. Такие теории называют наивной прагматикой [6] – эта часть наивной лингвистики соотносится с процедурным компонентом обыденных лингвистических знаний, который представляет собой «наивную технологию (как правильно пользоваться языком, как изучать языки, как переводить с одного на другой и т. п.)» [7, с. 35–36]. Интерес к наивному пользователю языка и его коммуникативному поведению стимулирует появление нового аспекта изучения коммуникативной личности – лингвопортретологии [8, с. 80]. Как отмечает Ю. Н. Караулов, «высший, мотивационный уровень устройства языковой личности более подвержен индивидуализации и потому, вероятно, менее ясен по своей структуре» [9, с. 53]; именно высокая степень индивидуальности и делает его одновременно сложной и привлекательной задачей для лингвопрагматического исследования и поиска общего в частном и закономерного в ситуативном.

Коммуникативная личность проявляет себя в метакоммуникативных высказываниях, которые не только призваны «задавать и постоянно актуализировать ту систему координат, в рамках которой осуществляется, регулируется и оценивается вся речевая деятельность» [10, с. 35–36], но и содержат совокупность наивных представлений о коммуникативном поведении: о правилах кооперативного и вежливого поведения, о способах управления развитием диалога и содержательной стороной общения и др. Эти представления основываются на коммуникативном опыте, формирующем отно-

шение говорящего к индивидуально-личностным характеристикам коммуникативного поведения.

Целью статьи является установление факторов, определяющих специфику метакоммуникативных реакций на индивидуальный стиль коммуникативного поведения, и наивных прагматических установок, влияющих на самовыражение говорящих. Материалом исследования послужили метакомментарии (550 на русском языке и 185 на белорусском) на русско- и белорусскоязычных форумах в интернет-пространстве Беларуси, извлеченные методом сплошной выборки из дискуссий на бытовые и общественные темы.

Основная часть

Метакомментарии по поводу субъективных проявлений коммуникативной личности относятся к коммуникативному поведению говорящего (рефлексивные метакомментарии) или других участников дискуссии (нерефлексивные метакомментарии).

Они направлены на мониторинг или коррекцию коммуникативного стиля и эксплицируют или интерпретируют иллокутивные и перлокутивные параметры, а также эмоционально-экспрессивную тональность сообщения. В фокус внимания говорящих попадают такие индивидуально-личностные особенности общения, как:

- 1) речевое поведение в дискуссии и отношение к другим ее участникам;
- 2) реакция на эмоциональные проявления коммуникантов;
- 3) перлокутивные эффекты сообщений;
- 4) аудиальные параметры речи.

Они имеют неодинаковую релевантность в русско- и белорусскоязычных дискуссиях и зависят от рефлексивного или нерефлексивного характера реплики и языка коммуникации.

Рефлексивные метакомментарии

Первая группа метакомментариев направлена на индивидуальные особенности коммуникативного поведения. Они наиболее частотны в дискуссиях на русском языке (42,1 %) и имеют следующие функции:

- 1) экспликация стиля сообщения информации (в примерах сохраняется орфография и пунктуация авторов): *Прорекламирую нитки впервые такие вязала;*

2) уточнение сказанного: *Постараюсь объяснить, что бы вам стало понятно;*

3) экспликация стиля ведения дискуссии – акцент на возражении оппоненту или отрицание интенции убеждения: *Не агитирую ни за какие сады. Каждому свое.*

Особую часть составляют комментарии, показывающие отношение к беседе как к спору; в русскоязычной метакоммуникации они достаточно частотны (24,2 % метакомментариев первой группы). Говорящие подчеркивают, что не вступают в спор; реже встречаются реплики, показывающие, что говорящий осознает стиль ведения беседы. Но важно не отрицание или подтверждение того, что разговор переходит в спор, а восприятие общения не как обмена мнениями, а как словесного состязания, в котором нужно отстоять свою точку зрения и доказать правоту, что говорит о сложившихся обыденных представлениях о диалоге в наивной прагматике: *Даже не знаю, зачем спорю с Вами постоянно;*

4) выделение интенции совета: *Один совет вам, просто совет, не требующий от вас ответа, просто к прочтению, комментировать не надо;*

5) указание на преувеличение: *Я сгущаю, конечно, немного.*

Белорусскоязычные рефлексивные метакомментарии первой группы занимают второе по частотности место (37,6 %). При общности функций белорусскоязычные метареакции менее разнообразны: не представлены указания на возражение и преувеличение. В остальном белорусскоязычные пользователи комментируют те же характеристики сообщений, что и русскоязычные, и указывают на:

1) стиль сообщения информации: *Падкрэслю, што на той час досвед карыстання фотатэхнікай у мяне меўся значны;*

2) способ донести информацию в случае коммуникативного сбоя: *Я яшчэ раз паспрабую растлумачыць адзін момант;*

3) стиль ведения дискуссии (говорящие или акцентируют стремление доказать свою точку зрения, или отрицают эту интенцию): *Я нікога ні за што агітаваць не збіралася.*

Как и в русскоязычной метакоммуникации, говорящие выделяют отношение к разговору как к спору, эксплицитно отрицая желание поспорить (а утверждение о нали-

чии такой интенции не встречается), но эти реплики менее частотны (8,5 %): *Ладна, дзевы, кожны сваё чытае, я ж не спрачаюся;*

4) совет адресату (в белорусскоязычном общении такие реплики в два раза более частотны, чем в русскоязычном, – 21,2 и 11,1 % соответственно): *А, яшчэ парада (прыдасца для ўсіх).*

Вторая группа метакомментариев направлена на эмоциональное состояние говорящего. Такие реплики составляют вторую по частотности группу русскоязычных комментариев и первую – белорусскоязычных (33,2 и 46,4 % соответственно) и описывают эмоционально-экспрессивное отношение к сообщаемому:

1) описание эмоционального состояния (негативные эмоции выделяются чаще, чем позитивные): *А я пожалуюсь. Первый блин комом;*

2) выражение эмоциональной поддержки или сочувствия собеседнику: *Что то решила я немного вас поддержать на ночь глядя;*

3) экспликация желания пошутить или объяснение шутки (обычно черного юмора): *Я уже готова и на вас обидеться. Шучу конечно;*

4) указание на искренность или серьезность говорящего для привлечения внимания: *А если серьезно, то пока «паника и ажиотаж» (с) делать предоплату за машину – такая лотерея;*

5) отрицание нарушающих коммуникативные нормы интенций. Их вербализация в перформативной форме уничтожает иллокутивную силу высказывания, обнажая мотивы говорящего («иллокутивное самоубийство», по выражению З. Вендлера [11]). Используя отрицание, говорящий предвосхищает отрицательную реакцию сообщества и уточняет свои интенции, если они могут быть интерпретированы как обвинение, критика и оценка, ирония, сарказм и издевательство, манипулирование и намек, излишняя эмоциональность: *Не думайте, что я осуждаю;*

6) акцент на вежливом, некатегоричном стиле общения: *Не знаю, что считается оскорбительным, выражусь, как мне кажется, вполне вежливо.*

Белорусскоязычные метареакции идентичны русскоязычным по функциям

(отсутствуют только указания на вежливый стиль беседы) и направлены на:

1) эмоциональное состояние говорящего (фиксируется только негативное переживание): *Хаця б сюды паскарджуся;*

2) эмоциональное присоединение к собеседнику: *Хачу проста засьведчыць сымпатыю да тваих поглядаў;*

3) указание на шуточный характер сообщения или объяснение черного юмора: *Не ведаю, як Вам, а нам Вашая тэрміновая паездка аказалася вельмі дарэчы. Прабачце мой «чорны» гумар;*

4) акцент на искренности или серьезности сказанного: *Я табе шчыра скажу. Мы пакуль за Чыпаліна не бярэмся;*

5) отрицание неблагоприятных интенций; их набор в метакоммуникации на обоих языках в основном одинаков: обвинение и критика, ирония и речевая агрессия: *А калі без іроніі, то такія цяжкасці сустракаюцца вельмі часта.*

Белорусскоязычные говорящие опасаются, что их сообщения будут восприняты как занудство, претензия, зависть или намерение испугать. В фокус внимания не попадают важные для русскоговорящих пользователей интенции: излишняя эмоциональность, оценка, манипулирование и намек: *Я без аніякіх прэтэнзій, калі што.*

Третья группа метакомментариев направлена на перлокутивные эффекты сообщений, при этом в дискуссиях на русском языке они более распространены, чем в белорусскоязычных (17,9 и 5,6 % соответственно). Говорящие считают важным не обидеть или не оскорбить собеседника и пытаются предвосхитить подобное восприятие: *Вы только ради Бога не обижайтесь; Прашу дараваць, каго абразілі мае словы.*

Рефлексивные метакомментарии могут выражать отрицательную оценку коммуникативного стиля: *Боже, я абсуждаю, родную мать, я чудовище; Прабач за назойлівасць, але матэрыялы, якія павінны быць выкладзенымі, маюць з'явіцца тут?* Их частотность в русско- и белорусскоязычных диалогах одинакова – 6,4 %.

Нерефлексивные метакомментарии

Нерефлексивные метакомментарии представлены теми же группами, что и рефлексивные, но различаются частотностью и функциями:

1. Метакомментарии, направленные на мониторинг и контроль индивидуальных особенностей коммуникативного поведения, составляют 11,4 % русскоязычных и 20 % белорусскоязычных и занимают третье место по частотности. Русскоязычные метареакции фокусируются на:

1) стиле сообщения информации: *Только не упрощайте, плиз, что педагог может найти другую работу...;*

2) стиле ведения дискуссии: *Вы можете возразить, что брошенный ребенок не видит своего биологического отца;*

Как и в рефлексивной метакоммуникации, пользователи воспринимают диалог как спор: *Вы зря спорите, после 30-ти молоко пить вредно;*

3) неоправданных обобщениях или преувеличениях: *Ну зачем же так утрировать?;*

4) неуместных советах: *У вас вроде бы один ребенок, думаю вам трудно что-то советовать.*

Белорусскоязычные метакомментарии имеют меньший спектр реакций и выделяют:

1) стиль сообщения информации: *Усе так распавядаюць пра адмысловае дыханне, што ў мяне ўражанне, быццам мяне абдзялілі;*

2) стиль ведения дискуссии: *Дык ніхто за імі ганяцца і не заклікае;*

3) неоправданное преувеличение: *Ну, ня трэба перабольшваць.*

Белорусскоязычные метареакции «обходят» речевые действия, важные в русскоязычной метакоммуникации: спор, совет, отстаивание мнения, возражение – коммуникативные проявления, которые предполагают обращение к адресату или могут быть восприняты как конфликтные. Эта особенность дает возможности для интерпретации коммуникативных координат, регулирующих интернет-общение.

2. Метакомментарии, которые направлены на регулирование эмоциональных проявлений, составляют 19,7 % русскоязычных и 31,7 % белорусскоязычных (второе и первое по частотности место соответственно). Русскоязычные реплики фокусируются на:

1) предвосхищении негативной реакции на сообщения. Пытаясь предугадать речевую агрессию, говорящие показывают, что видят конфликтотенный характер сообщения и хотят нейтрализовать или ослабить

потенціальную конфронтацію: *Мамы приводят детей в спортивную секцию, чтобы (не смеётся, такое реально было) тренер воспитал в мальчишке мужчину, т. к. у папы на это нет времени;*

2) интерпретации эмоционального состояния адресата (нервозности, излишней эмоциональности): *Ну, не надо нервничать, право слово;*

3) уточнении коммуникативных намерений в ситуациях предполагаемой речевой агрессии: *Если не подколка – то спасибо, потому как на самом деле – доброе;*

4) отношении к самокритике или защите: *Вы как будто защищаетесь все время. Мне жаль Вас, честное слово.*

Для белорусскоязычных пользователей характерен такой же набор метареакций:

1) ожидание негативной реакции общества: *А я ўжо рыхтавалася ад тапак адбівацца, а тут, аказваецца ў мяне падтрымка ёсць;*

2) интерпретация эмоционального состояния: *І дарэчы, Танюша, што Вы так блізка да сябе прынялі іх словы?*

3) уточнение коммуникативных намерений. В отличие от русскоязычных метареакций, говорящий не ждет речевой агрессии (издевательства, обвинения, осуждения); в фокус внимания попадает ирония и намек: *намякаеш, што тэарэтычна мажліва?*

4) отношение к самокритике или защите: *Не прыбядняйся.*

3. Группа метакомментариев, в которых говорящий сообщает о перлокутивном эффекте чужих сообщений, (о реакции на сказанное ему), составляет 4,4 % русскоязычных и 15 % белорусскоязычных реплик (пятое и четвертое по частотности место). Пользователи фиксируют эмоционально окрашенные (негативные) или юмористические реакции: *Ты меня пугаешь.*

В белорусскоязычных сообщениях выделяются и положительные реакции или сообщается об интересе к продолжению диалога: *О! Заінтрыгавала.*

4. Отдельную группу составляют оценочные метареакции. Положительные оценки не являются распространенными (8,6 % русскоязычных и 10 % белорусскоязычных реплик) и выделяют такие характеристики коммуникативного стиля, как открытость, сдержанность, позитивный эмоциональный тон, готовность поделиться: *То, что Вы*

спокойно и открыто рассказываете о себе, ничего, кроме уважения и к Вам, и к Вашему выбору, не вызывает; Читала, і ад захаплення слезы наварочваліся. Дзякуй, што падзялілася.

Отрицательные реакции выделяют более разнообразный диапазон коммуникативных проявлений. Русскоязычные метакомментарии этой группы наиболее частотны (55,9 %), а белорусскоязычные – на втором месте (23,3 %).

Русскоязычные отрицательно оценочные метакомментарии демонстрируют реакцию говорящего на:

1) общий тон ведения разговора и отношение друг к другу. Спектр метареакций варьируется от отчетливой речевой агрессии (характеристик коммуникантов как стада, серпентариума, их поведения – как перебранки или балагана, информации – как трепы или чуши) до завуалированного осуждения: *Блин, на этом форуме вообще по теме пишут? Или все друг друга критикуют, к словам цепляются, обвиняют во всякой чуши; В чужом глазу соринку видим, в своем бревна не замечаем;*

2) стиль общения адресата. Возможна как прямая речевая агрессия, так и завуалированные ироничные комментарии или обращения в обобщенно-личной или безличной форме, номинализация или генерализация: *Я вот читаю вас тихонечко и все никак не пойму, почему вы каждый раз пытаетесь унижить, задеть; Тем более, что так удобно, будучи «инкогнито» поливать людей помоями;*

3) чрезмерную эмоциональность или негативный тон реакций собеседника: *Очень смешно смотреть со стороны на эту истерику;*

4) стиль аргументации (манипулирование информацией, переход на личности, нелогичность, необоснованное обобщение, стереотипные суждения): *Так что давайте личину праведного страдания снимайте и постарайтесь вести беседу без манипуляций;*

5) прямые указания адресату для коррекции неодобряемого поведения: *учтите, что вы все-таки на общественном форуме, а не на базаре и ведите себя прилично;*

6) формальное уточнение намерений, вуалирующее отрицательную оценку: *Это вопрос?*

Белорусскоязычные пользователи эксплицитно выражают отрицательную оценку по отношению к меньшему диапазону коммуникативных проявлений, при этом вербальное оформление оценок более нейтрально. Выделяются следующие особенности поведения:

1) общий стиль ведения диалога: *Нешта я стамілася ад спрэчак... мабыць, трэба адпісацца ад тэмы...*

2) стиль аргументации (излишнее теоретизирование, манипулирование информацией, советы найти информацию в интернете, стереотипное мышление): *прабач, ты ўвесь час падмяняеш паняцці, я не бачу сэнсу працягваць;*

3) манера речевого поведения адресата: *Ну ўжо не трэба тут наязжаць – палка а двух канцах.*

В отличие от русскоязычных собеседников, белорусскоязычные не комментируют чрезмерную эмоциональность, не задают вопросов с негативным подтекстом о намерениях, не дают прямых указаний адресату, а также избегают жестких оценочных высказываний и открытой речевой агрессии, что говорит об иных представлениях о степени допустимого в сетевом общении.

Заклучение

Метакоммуникативные реакции на проявления индивидуального стиля коммуникации в сетевом общении испытывают

влияние таких факторов, как рефлексивный или нерефлексивный характер метакомментария и предпочитаемый язык общения (русский или белорусский).

Первый фактор влияет на частотность метакомментариев говорящего по поводу одних и тех же особенностей собственного или чужого коммуникативного стиля.

Второй фактор определяет специфику представлений русско- и белорусскоязычной коммуникативной личности о нормах повседневного общения в интернете.

Эти представления и установки демонстрируют значительное сходство, которое проявляется в выделении в коммуникативном процессе одних и тех же фактов; положительно или отрицательно оцениваются схожие особенности манеры общения.

Различия в эксплицитной метакоммуникативной рефлексии русско- и белорусскоязычных пользователей имеют частный характер и проявляются во внимании к определенным нюансам речевого поведения, разной частотности метакомментариев одного типа или функциональной направленности, разном отношении к пределам допустимого при отрицательной оценке.

Эти неодинаковые метакоммуникативные акценты могут объясняться различием норм поведения в русско- и белорусскоязычном интернет-сообществе, коммуникативным опытом и представлениями собеседников, а также их индивидуально-психологическими особенностями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Михалевич, О. В. Проблема изучения языковой личности в лингвистике: исторический аспект / О. В. Михалевич // Вестн. КРАУНЦ. Сер. Гуманитар. науки. – 2011. – № 1 (17). – С. 145–151.
2. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.
3. Лазуренко, Е. Ю. Профессиональная коммуникативная личность / Е. Ю. Лазуренко, М. С. Саломатина, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 194 с.
4. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2001. – 270 с.
5. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации : учеб. пособие / В. Б. Кашкин. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
6. Соколова, Н. Ю. Мифологемы вопроса и ответа в свете «наивной прагматики» / Н. Ю. Соколова // Вопр. методики преподавания в вузе. – 2016. – № 5 (19-2). – С. 104–111.
7. Кашкин, В. Б. Обыденные представления о языке и научная лингвистика / В. Б. Кашкин // Актуал. проблемы филологии и пед. лингвистики. – 2013. – № 15. – С. 34–38.

8. Ольшанский, И. Г. Язык и языковая личность в условиях современного социального контекста / И. Г. Ольшанский // Учен. зап. РГСУ. – 2004. – № 1. – С. 79–80.
9. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
10. Задворная, Е. Г. Метакоммуникативные речевые ходы в обыденно-разговорной коммуникации / Е. Г. Задворная // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2014. – № 3 (70). – С. 22–30.
11. Вендлер, З. «Иллокутивное самоубийство» / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 238–250.

REFERENCES

1. Mikhalievich, O. V. Problema izuchienija jazykovoj lichnosti v lingvistike: istorichieskij aspekt / O. V. Mikhalievich // Viest. KRAUNC. Sier. Gumanitar. nauki. – 2011. – № 1 (17). – S. 145–151.
2. Ivancova, Ye. V. O tierminie «jazykovaja lichnost'»: istoki, problemi, perspektivy ispol'zovaniya / Ye. V. Ivancova // Viestn. Tom. gos. un-ta. Sier. Filologija. – 2010. – № 4 (12). – S. 24–32.
3. Lazurienko, Ye. Yu. Professional'naja kommunikativnaja lichnost' / Ye. Yu. Lazurienko, M. S. Salomatina, I. A. Stiernin. – Voronezh : Istoki, 2007. – 194 s.
4. Krasnykh, V. V. Osnovy psikholingvistiki i teorii komunikacii : kurs liekcij / V. V. Krasnykh. – M. : Gnozis, 2001. – 270 s.
5. Kashkin, V. B. Vviedeniye v teoriyu komunikacii : uchieb. posobie / V. B. Kashkin. – Voronezh : Izd-vo VGTU, 2000. – 175 s.
6. Sokolova, N. Yu. Mifologiemy voprosa i otveta v svietie «naivnoj pragmatiki» / N. Yu. Sokolova // Vopr. metodiki priepodavanija v vuzie. – 2016. – № 5 (19-2). – S. 104–111.
7. Kashkin, V. B. Obydiennyje predstavleniya o jazykie i nauchnaja lingvistika / V. B. Kashkin // Aktual'nyje problemy filologii i pied. lingvistiki. – 2013. – № 15. – S. 34–38.
8. Ol'shanskij, I. G. Jazyk i jazykovaja lichnost' v uslovijakh sovremennogo social'nogo konteksta / I. G. Ol'shanskij // Uchion. zap. RGSU. – 2004. – № 1. – S. 79–80.
9. Karaulov, Yu. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' / Yu. N. Karaulov. – 7-je izd. – M. : Izd-vo LKI, 2010. – 264 s.
10. Zadvornaja, Ye. G. Metakommunikativnye riechievyje khody v obydenno-razgovornoj komunikacii / Ye. G. Zadvornaja // Viestn. Minsk. gos. lingvist. un-ta. Sier. 1, Filologija. – 2014. – № 3 (70). – S. 22–30.
11. Viendler, Z. «Illokutivnoje samoubijstvo» / Z. Viendler // Novoje v zarubiezhoj lingvistike. – Vyp. 16 : Lingvistichieskaja pragmatika. – M. : Progress, 1985. – S. 238–250.

Рукапіс надрукаваны ў рэдакцыю 21.10.2024